

Л. А. Орехова

**«СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ»:
КРЫМСКИЙ ТЕКСТ И КРЫМСКИЙ АРХИВ**

Роман И. С. Шмелева «Солнце мертвых» (1923) пока не имеет научного комментария. Главную трудность для комментатора представляют исторические описания крымских событий и голода 1921 года, необходимость сверить художественное слово с реальными фактами, по возможности осветить исторический контекст произведения. Привлечение документов, сохранившихся в Государственном архиве Автономной республики Крым (ГААРК), существенно проясняет исторический фон романа и даже позволяет заглянуть в будущее его персонажей. Ниже будет приведен основанный на архивных документах комментарий всего к одному эпизоду из «Солнца мертвых». На этом примере мы надеемся показать, что в «крымской хронике» Шмелев стремился к максимально точному воспроизведению имен и фактов, благодаря которому связи художественного текста продлеваются далеко за его пределы, в пространство исторической жизни.

Речь пойдет о разговоре автора с одним из персонажей романа, Федором Лягуном, об известном русском профессоре-гистологе Александре Ефимовиче Голубеве (1836—1926), жившем в своем имении Кафель-Приморский (ныне с. Лазурное в Профессорском уголке г. Алушты; дом сохранился, установлена мемориальная доска). По ходу диалога Лягун, нисколько не смущаясь, рассказывает, как, спекулируя пролетарским происхождением, шантажировал профессора и вымогал у него корову. Приведем наиболее важные для нас фрагменты этого разговора, а затем прокомментируем их.

Итак, фрагмент из «Солнца мертвых». Алушта. Профессорский уголок. 1921 год.

«По скрипучему говорку и заиканию я узнаю Федора Лягуна, он живет по этой дороге, дальше, — досматривает чье-то покинутое поместье.

— Утихомирили всех господ, теперь слободно... все утрудящие теперь могут, не возбраняется... <...> Только вот чайку теперь... не каждый в силах... А вот у господина Голубева пять фунтов отобрали! А какой был профессор... сто сорок десятин у такого места!..¹ покосы какие, виноградники... какие капиталы?!..²

— А что, жив профессор?³ <...>

— Жи-вет! До девяноста годов — живет! Всех переживет, на этот счет настоящий! Как первые наши приходили, севастопольские... — потрясли³. Старухе его не в чем и в гроб лечь было. Босую клали⁴. Ему не обидно, слепой вовсе⁵. А крепкий! Пришли ваши, добровольные... — он опять за свое, книги сочинять! Про человека изучает, насчет кишков⁶. Не видать ему, так он на машинке все стучал. Как ни идешь мимо — чи-чи-чи... чи-жить себе, шпарит по своей науке!⁷ А именье ему в свой черед деньгу кует <...>. Говорю — я в ихних бумагах не занимаюсь <...>. Беспорядку, я говорю, не замечаю, кроме как пять коров... <...> Только это ваши задрапали по морю — наши родименькие идут. Я, ни слова не говоря, к нему. А он слепой, ничего не знает, стучает про свое! Вскожу на веранду, где у них лесенка, под виноградником... — его делмилосердие не допускает, девица для ухода у него⁸. <...> ...самый буржуй, сто-о сорок десятин у таком месте!.. Ладно. Сейчас в свой комитет. Самого врага нашел! <...> Товарищ Дерябин председатель был, строгой, у-у!.. Все отобрали! до нитки!! Только что девяносто лет ему, и кто-то из Москвы бумагу написал, а то бы на расстрел! <...> Все отобрали, всех коров. И машинку взяли⁹. <...> Руку нашли в Москве! Будто машинку им вернуть хотят... Вернули, для науки ученые исколотали¹⁰. Ему бы помирать давно, а он...¹¹

— Все на машинке стучает?

— Старик на-стойный!» (Шмелев И. С. Собр. соч.: В 5 т. М., 1998. Т. 1. С. 553–555).

¹ *...сто сорок десятин у такого места!..* — Речь идет о Крымском южнобережном местечке у горы Кафель — Серафимовской даче, которая с 1832 г. принадлежала Григ. Серг. Кушникову (ГААРК. Ф. 536, оп. 1, ед. хр. 80, л. 1), затем его сыну Ник. Гр. Кушникову. В 1872 г. пришедшая в упадок дача куплена профессором геологии Новороссийского университета Н. А. Головкинским, однако, не имея средств на устройство и содержание имения, большую часть земли — в округе дер. Биюк-Ламбат, именуемом Кафель-гора, — он продал другу юности и коллеге по Казанскому университету А. Е. Голубеву (Там же. Л. 41); имение получило название «Кафель-Приморский». 4 апреля 1898 г. Голубев продал 109 дес. из этого имения своему старому другу, иркутскому купцу В. П. Таюрскому (Там же. Л. 38). Позднее было продано еще несколько небольших участков, и в 1907 г. имение составляло 176 дес. (Там же. Л. 106). Таким образом, Лягун называл достаточно близкую к истине цифру — 140 десятин.

² *...покосы какие, виноградники... какие капиталы?!* — Виноградники Кафеля действительно приносили большой доход. А. Е. Голубев имел две винные лавки в Петербурге: по ул. Бассейной, д. № 4, и по ул. Басковой, д. № 1 (Там же. Ед. хр. 84, л. 33). Качество вина было высоким, за что Голубеву на выставке в Петербурге в октябре 1910 г. Российским Обществом плодоводства была присуждена малая серебряная медаль (Там же. Л. 28).

Голубев был богатым человеком. Только с 1915 по 1917 г. он приобрел облигаций военного займа на 103 тыс. руб. (Там же. Ед. хр. 77, л. 9–14). Вместе с тем следует учесть, что богатство досталось ему большим трудом. Он был сыном коллежского регистратора «из отпущенников», уволившись со службы «за болезнию» в 1839 г., т. е. когда ребенку было всего три года (Там же. Ед. хр. 1, л. 40–40 об.). По окончании Казанского университета в 1857 г. Голубев отправился в Сибирь «вольнопрактикующим» врачом на частные золотые прииски и провел там восемь лет. В 1864 г. он получил в наследство от сводного (по матери) брата А. А. Семенова право на разработку одного золотого прииска, не имея, впрочем, для этого средств. Однако найдя компаньонов и заручившись их поддержкой, Голубев постепенно создал золотопромышленное товарищество «Голубев и К°», где ему принадлежало 39 паев из 90. И хотя большого успеха золотопромышленное дело долго не имело, Голубев, перепоручив дела другу и компаньону купцу В. П. Таюрскому, получил возможность выехать в Петербург, а потом за границу для профессионального совершенствования у австрийского гистолога А. Роллета. В 1868 г. Голубев защитил в Медико-хирургической академии докторскую диссертацию. (Подробнее об этом см.:

Орехова Л. А. Кафель-Приморский: История и судьбы в архивных документах // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2002, № 9. С. 73—106). Первые реальные доходы с приисков он употребил на покупку крымского имения, затем передал прииски в аренду известному золотопромышленнику В. И. Базилевскому, в 1880 г. вышел в отставку и поселился в имении Кафель-Приморский. По соседству построил свой дом профессор, ректор Новороссийского университета Н. А. Головкинский, а чуть позднее здесь же построили небольшие дачки профессор математики Н. А. Умов и известный литературовед профессор А. И. Кирпичников, зять Н. А. Головкинского. С тех пор это местечко называлось Профессорским уголком. В 1921 г. в Профессорском уголке снимал небольшой домик И. С. Шмелев, который, возможно, встречался с Голубевым. Ныне в Профессорском уголке Алушты находится небольшой музей Шмелева.

Голубев и его жена Надежда Прокофьевна Сулова, профессор медицины, были людьми исключительной целеустремленности и трудоспособности. Поселившись в Крыму, они продолжали вести трудовую жизнь, содержали в имении амбулаторию, где бесплатно обслуживали всех нуждающихся. Александр Ефимович много работал в саду, увлеченно занимался виноградарством. Впоследствии, в 1897 г., Н. П. Сулова-Голубева в письме из Кафеля к другу мужа С. И. Серебренникову напоминала сибирскую «биографию средств» мужа: «Они не отняты, не украдены, а случайно найдены. Мы относимся к ним с большим уважением и большой благодарностью за свободу Ал. Ефимовича и считаем своим священным долгом не расточать их, чтобы после нашей смерти они могли выручить других, вообще потребиться на полезное» (ГААРК. Ф. 536, оп. 1, ед. хр. 65, л. 5 об.).

Детей у супругов Голубевых не было. По завещанию Александра Ефимовича, составленному 28 марта (10 апреля) 1919 г., после его смерти все сбережения и деньги от продажи имения, за исключением 5 дес. в той части имения, где находятся кладбище и берег моря (о кладбище см. ниже, примеч. 4), предполагалось вложить в ценные бумаги и превратить в «неприкосновенный капитал», а ежегодные доходы от капитала распределять «между наиболее нуждающимися православными приходами уездов Керенского и Нижеломовского Пензенской губернии (родина А. Е. Голубева. — Л. О.) и уезда Горбатовского Нижегородской губернии (родина Н. П. Суловой-Голубевой. — Л. О.) <...> на устройство и поддержание просветительно-воспитательных, благотворительных и экономических учреждений» (Там же. Ф. 663, оп. 1, ед. хр. 285, л. 1—2).

³ Как первые наши приходили, севастопольские... — потрясли. — Речь идет об установлении советской власти в 1917 — начале 1918 г. В личном фонде А. Е. Голубева в ГААРК сохранилось несколько документов, относящихся к этому периоду:

а) Постановление Алуштинского исполкома рабочих, солдатских и поселковых депутатов № 86 от 25 января 1918 г. «о денежном обложении всех капиталистов г. Алушты и окрестностей» «ввиду исключительно чрезвычайного положения и обстоятельств денежного кризиса». Гр. Голубев, по этому постановлению, должен внести в кассу Совета (дом Попандупуло) 100 тыс. руб. «не позже 2 часов дня 26 января». Приписка: «В случае невыполнения настоящего предписания будете преданы Военно-революционному суду» (ГААРК. Ф. 536, оп. 1, ед. хр.78, л. 1).

б) Мандат № 587 от 6 марта 1918 г. комиссару Алуштинского отряда Красной гвардии т. Муратову «на право реквизиции на даче Голубева сахара и продовольственных припасов» (Там же. Л. 2).

в) Удостоверение исполкома Алуштинского Совета от 9 марта 1918 г. (без номера и подписи) о том, что «комиссару по продовольствию т. Конторовичу предоставлено право реквизиции продовольственных продуктов сверх нормы на дачах Чернова (сосед А. Е. Голубева. — Л. О.) и Голубева» (Там же. Л. 3).

г) Копия акта от 9 апреля 1918 г. «о реквизировании на даче быв. Голубева большого запаса сена (один полный сарай)». Ключ от помещения взят комиссариатом (Там же. Л. 4).

д) Мандат Степана Серпенко от профсоюза металлистов «для реквизиций металлического лома на даче быв. Голубева». 16 апр. 1918 г. у Голубева изъято «300 пудов угля курного, 27 пудов железа нового, напильники, бор-машина, токарный станок, строгательный станок, наждачная бумага, 3 бутылки разной кислоты, сверла и пр.» (Там же. Л. 5 об.—6).

е) Мандат исполкома № 1249 от 18 апреля 1918 г. Старовойтову «на право реквизиции в имении быв. Голубева двухпарного экипажа и двухпарной сбруи» (Там же. Л. 7).

⁴ Старухе его не в чем и в гроб лечь было. Босую клали. — Жена А. Е. Голубева, Надежда Прокофьевна Суслова-Голубева (1843—1918), в первом замужестве Эрисман — первая русская женщина, ставшая профессором медицины. Дочь бывшего крепостного, а затем управляющего имениями гр. Шереметьева, пионерка женской эмансипации 1860-х годов, Н. П. Суслова — автор нескольких повестей о судьбе русской женщины, опубликованных в «Современнике» и «Вестнике Европы». Была близко знакома с А. И. Герце-

ном, Ф. М. Достоевским, В. А. Слепцовым, Н. А. Некрасовым, И. И. Панаевым, А. Я. Панаевой, Я. П. Полонским. Но если верить свидетельствам С. В. Ковалевской (см. ее повесть «Нигилист», 1890 г.), особые симпатии связывали молодую Сулову с Н. Г. Чернышевским. Будущая жена Голубева сочувствовала революционно-демократическому движению. Ее брат, В. П. Сулов (ум. в 1873 г.), вместе с В. А. Обручевым (братом М. А. Сеченовой, в первом браке Боковой, ставшей прототипом Веры Павловны в романе Чернышевского «Что делать?») привлекался к следствию по делу о прокламации «Великорусс». Старшая сестра Суловой-Голубевой — Аполлинурия Прокофьевна Сулова-Розанова (1839—1918, Севастополь), писательница и переводчица, возлюбленная Достоевского, жена В. В. Розанова.

Н. П. Сулова — одна из первых вольнослушательниц Петербургского университета. В 1864 г., когда вышел запрет на посещение университета женщинами, Сулова уехала за границу и закончила Цюрихский университет. В Цюрихе же под руководством И. М. Сеченова в декабре 1867 г. она защитила написанную по-немецки докторскую диссертацию, вышла замуж за врача-швейцарца Гальдрейхса Фридриха Эрисмана (Ф. Ф. Эрисмана — в будущем известного российского профессора-гигиениста). Возвратившись с мужем в Россию, имела в Петербурге медицинскую практику, поддерживала дружеские связи с И. М. Сеченовым, М. А. Сеченовой, С. В. Ковалевской, А. М. Евреиновой, учеными-медиками. После развода с Эрисманом 29 января 1885 г. обвенчалась с А. Е. Голубевым (ГААРК. Ф. 536, оп. 1, ед. хр. 77, л. 159). Супруги поселились в новом доме Голубева в Кастеле-Приморском, но первые годы выезжали на зиму в Петербург. В амбулатории своего имения Сулова-Голубева оказывала акушерскую и гинекологическую помощь жительницам окрестных сел. Уроженец этих мест Сундукчи Умер Ашир, который с 13 лет работал в имении Голубевых на обрезке и подвязке винограда, вспоминал, как Надежда Прокофьевна, «маленькая, сторбленная, хлопотливая старушка», лечила бесплатно женщин, ежедневно восемь-десять человек: «Я был мальчиком, мне говорили: „Очень много помощь дает, принимает только бедных“» (Розова К. А. Первая русская женщина-врач // Фельдшер и акушерка. 1945. № 3. С. 52).

Скончалась Сулова-Голубева 20 апреля (7 апр. ст. ст.) 1918 г. от паралича сердца. Смерть свидетельствовал земский врач Г. Г., фамилия неразборчива (ГААРК. 536, оп. 1, ед. хр. 62, л. 1). И. С. Шмелев мог видеть могилу Суловой на вершине холма близ имения Кастель. Названия холма местные жители теперь не помнят. Это маленькое, прямоугольной формы (около 80 кв. м.), окруженное старыми кипарисами кладбище, где сохранилось всего

три могилы: Н. П. Суслевой, младенца Сережи Чернова, умершего 27 декабря 1884 г., и безымянная; угадываются остатки еще нескольких могил. Памятник на могиле Суслевой представляет собой бетонную стелу высотой около 1 м, на ней табличка с надписью (в современной орфографии): «Здесь похоронена доктор медицины Надежда Прокофьевна Суслова. 1843—1918». По краям могилы — бетонные стенки высотой 0,5 м с нишей для цветника по всей длине. На поверхности стенок видны небольшие круглые отверстия, очевидно, для декоративной оградки. Была ли оградка — неизвестно.

Много лет в запасниках Алуштинского литературно-мемориального музея С. Н. Сергеева-Ценского сохраняется памятник Н. П. Суслевой-Голубевой из белого мрамора, в советское время изготовленный скульптором В. В. Петренко и архитектором А. Д. Куцевым. Установить его на могиле, находящейся в безлюдном отдаленном месте, не решаются, обоснованно опасаясь вандализма.

В Нижнем Новгороде именем Н. П. Суслевой названа улица, а на ее родине в с. Панино в местном музее ей посвящена специальная экспозиция.

⁵ *...слепой вовсе.* — А. Е. Голубев страдал глаукомой с 1913 г. и окончательно ослеп в 1917 г.

⁶ *Про человека изучает, насчет кишков.* — 2 ноября 1868 г. А. Е. Голубев защитил в Медико-хирургической академии в Петербурге диссертацию «Анатомия, физиология и история развития волосных сосудов» (СПб., 1868), стал автором первого оригинального учебника по гистологии на русском языке: «Частная гистология: Лекции» (СПб., 1876), действительным членом Общества русских врачей в Петербурге. С 1869 г. он — экстраординарный, затем ординарный профессор Казанского университета; участвовал в нашумевшем деле П. Ф. Лесгафта и в знак протеста против увольнения Лесгафта, в 1871 г. подал в отставку вместе с шестью университетскими профессорами (геологом Н. А. Головкинским, биохимиком А. Я. Данилевским, математиком В. Г. Имшенецким, химиком В. В. Марковниковым, патологом П. И. Левицким, гигиенистом А. И. Якобием). Выехав из Казани, Голубев долго не мог найти службу. Позднее он несколько лет являлся экстраординарным, затем штатным профессором Медико-хирургической академии; преподавал на «Курсах образования ученых акушеров», организованных при академии 1 ноября 1872 г. В 1880 г. вышел в отставку, но, поселившись в Кастеле, не оставлял научных занятий. В 1910 г. на XII съезде русских естествоиспытателей в Москве Голубев выступил с докладом, вызвавшим большой интерес.

⁷ *...чи-жить себе, шпарит по своей науке!* — О жизни и занятиях наукой слепого и одинокого Голубева красноречивее всего говорит черновик

его письма к коллеге Михаилу Николаевичу Коноплеву. Текст машинописный, порой без пробелов между словами, с опечатками, шрифт крупный.

«Многоуважаемый Михаил Николаевич. Будьте добры, сообщите (лучше всего открыткой, говорят, скорее и вернее доходит), жива ли и благополучна Марья Александровна С<еченова>. Я уже более трех лет не имею никаких сведений. Адрес мой прежний: Алушта, проф. А. Е. Голубеву, и я сейчас пишу в том самом доме, где прожил с женою, Надеждой Прокофьевной, 40 лет. По установлению советской власти <дом>, а также находящиеся в нескольких шагах от него в разные стороны кухня, приемный покой для больных Надежды Прокофьевны, моя лаборатория и разные мелкие постройки остались и посейчас и описывающей комиссией в ее реестры не внесены. Все остальное — отчуждено, описано в реестрах и стало «советским хозяйством». Пользуюсь случаем сообщить несколько сведений о себе, особенно после съезда в Москве (речь идет о состоявшемся в 1910 г. VIII Съезде русских естествоиспытателей. — Л. О.). Вернувшись со съезда, я закончил второй отдел специальной части моей работы «Образование яйца у гастротрих и коловраток», и по плану надо бы приступить к 3-му и последнему отделу — исследованию яиц разрезами при больших увеличениях. Но болезнь, поразившая мои глаза (глаукома), кончившаяся совершенно и бесповоротно слепотой, навсегда лишила меня возможности работать с микроскопом.

Но прежде, чем дойти до этого, я употребил остатки зрения на то, чтобы ознакомиться с пишущей машинкой, чтобы заменить при работе с нею зрение исключительно осязанием, что мне и удалось в достаточной степени. При необходимом условии пользоваться чужими глазами хотя бы время от времени для исправления неизбежных ошибок пишущего и неисправности машины <нрзб> В данном случае трудность увеличилась тем, что заболели ноги, что на время острой болезни почти совершенно сделало меня неподвижным. Но работа (конечно, только книжная, литературная) все-таки не прекращалась.

7 апреля (стар. ст.) 1918 скончалась моя жена Надежда Прокофьевна (от невраза аорты), и я остался один в моем доме; в верхнем этаже — помощница в моей работе, в самой кухне — кухарка (Н. В.), взятая еще Надеждой Прокофьевной, оставшаяся теперь, после удаления посторонних, самовластной распорядительницей моего хозяйства и жизни и через три года довела до разрушения. Сменить Н. В. (возможно, речь идет о мещанке Наталье Алексеевне Волковой, жившей в имении Голубевых. — Л. О.) можно было бы только при посторонней помощи, добыть которую мне было невозможно. Освободила меня сама Н. В.: заболела, доктор заподозрил заразу и оставил Н. В. в больнице. Оправившись, Н. В. уведомила меня,

что она работать не может и чтобы я искал себе другого человека» (ГААРК. Ф. 536, оп. 1, ед. хр. 56, л. 1—1 об.).

На этом письмо обрывается. Дата — 1918 — написана от руки, безусловно, посторонним лицом и значительно позднее. Датировка ошибочна, т. к. последние письма М. А. Сеченовой к Н. П. Сусловой-Голубевой, хранящиеся в архиве, относятся к 1918 году. Голубев же пишет, что не имеет известий о Сеченовой более трех лет. Таким образом, настоящее его письмо следует датировать 1921 годом, т. е. временем, описанным в «Солнце мертвых».

⁸ *...девица для ухода у него.* — Помощница Голубева в его работе или кухарка Н. В. (см. примеч. 7).

⁹ *Все отобрали, всех коров. И машинку взяли.* — О событиях в имении Голубева в 1918—1920 гг., при смене властей, свидетельствуют следующие архивные документы:

а) Квитанция об отправлении Голубевым 27 ноября 1918 г. в одесский Союз русских людей 500 рублей (Там же. Ф. 536, оп. 1, ед. хр. 71, л. 60).

б) Духовное завещание Голубева, составленное 28 марта (10 апреля) 1919 г. алуштинским нотариусом Е. Е. Вознесенским в Кастеле-Приморском при свидетелях: дворянке Надежде Александровне Сабуровой, ржевской мещанке Наталье Алексеевне Волковой и крестьянине Иване Ивановиче Лиците, «живущих в том имении» (Там же. Ф. 663, оп. 1, ед. хр. 285, л. 1—2).

в) Удостоверение № 20 от 22 апреля 1919 г. о том, что у Голубева реквизирована для нужд Алуштинского ревкома пишущая машинка системы «Мерседес», а также одна лошадь с казацким седлом и уздечкой (ГААРК. Ф. 536, оп. 1, ед. хр. 78, л. 8).

г) Вызов г-на Голубева в Отдел труда Алуштинского ревкома от 26 апреля 1919 г. по жалобе Ивана Андронниковича Акимова (Там же. Л. 10).

д) Протокол обыска на даче Голубева от 3 июня 1919 г. Найдены серебряные деньги, посуда, а также наволоч 26 шт., кальсон 22 шт., рубах нижних 29 шт., верхних — 7, брюк парусовых — 7, носков 30 пар, полотенец 35, платков носовых 20, 1 кусок шелка, 1 пиджак с жилетом, сахару-песку 1,5 пуда и т. д. (Там же. Л. 11).

е) Исполнительный лист № 187 конфликтной комиссии при Отделе труда Алуштинского ревкома от 4 июня 1919 г. о взыскании с Голубева в пользу тов. Прохора Малявкина 550 руб. (Там же. Л. 12).

ж) Исполнительный лист № 189 конфликтной комиссии при Отделе труда Алуштинского ревкома от 4 июня 1919 г. о взыскании с Голубева в пользу Ивана Акимова 312 руб. 50 коп. (Там же. Л. 13).

э) Протокол обыска от 8 июня 1919 г. (Там же. Л. 9).

и) Исполнительный лист № 261 комиссии при Отделе труда Алуштинского ревкома от 13 июня 1919 г. о взыскании в пользу т. Фомина 180 руб. (Там же. Л. 15).

к) Извещение № 180 от 26 октября 1919 г. (у власти вновь «белые». — Л. О.). Ялтинский суд мировых судей, выслушав иск Прохора Малаевкина к Голубеву о 275 руб. за службу, постановил в иске отказать и судебные издержки (15 руб.) возложить на истца в пользу ответчика (Там же. Л. 16).

л) Постановление № 143 от 3 февраля 1920 г. Командир первоочередного Крымского добровольческого татарского полка просит отпустить из подвала Голубева для околотка и офицерского собрания 1 ведро портвейна и 2 ведра красного столового вина. Приписка: «Действительная потребность означенного подписью и приложением печати удостоверяется». 16 бутылок портвейна и 22 бутылки красного вина получил поручик Дмитриев (Там же. Л. 17).

¹⁰ ...машинку им вернуть хотят... Вернули, для науки ученые исключоптали. — Этот факт подтверждает удостоверение Алуштинского военно-революционного комитета от 1 ноября 1920 г.: «Пишущая машинка необходима профессору Голубеву при его научных трудах и ввиду слепоты Голубева и ценности его работы никаким реквизициям не подлежит» (Там же. Ед. хр. 71, л. 61). 28 ноября 1920 г. Алуштинский военно-революционный комитет выдал Голубеву еще один документ, по которому принадлежащая ему пишущая машинка «реквизиции не подлежит» (Там же. Л. 62).

¹¹ Ему бы помирать давно, а он... — Приведем несколько документов, характеризующих последние годы жизни Голубева:

а) 16 сентября 1922 г. 5 час. 00 мин. Протокол обыска. Обнаружено 103 руб. сер. и 560 бут. вина. Конфисковано 3 ящика вина (Там же. Ед. хр. 78, л. 26).

б) 21 сентября 1922 г. Расписка замначальника милиции Воробьева об изъятии из подвалов Голубева 150 бутылок вина. «Остальное вино будет конфисковано завтра ввиду неимения посуды» (Там же. Л. 28).

в) 22 сентября 1922 г. Акт об изъятии 230 бут. вина (Там же. Л. 27).

г) 27 декабря 1922 г. «Санаторий ЦЕКУБУ («Гаспра») извещает, что, согласно распоряжения ЦЕКУБУ от 25 ноября, Вы имеете получать от санатория, начиная с ноября с. г. один академический паек» (Там же. Ед. хр. 71, л. 62).

д) 24 сентября 1924 г. Письмо сотрудника музея Академии наук В. В. Редикорцева из Петербурга с предложением систематизировать работы Голу-

бева: «Мне очень хотелось бы помочь Вам, помочь приведением в систему всех Ваших наблюдений, изложением их и вообще подготовкою к печати, ознакомлением с новой литературой <...> Помимо всего этого, очень хочется повидать Вас, чтобы посмотреть, как Вы теперь живете и побеседовать с Вами» (ГААРК. Ф. 536, оп. 1, ед. хр. 40, л. 56—56 об.). В ответ Голубев посылает Редикорцеву телеграмму (очевидно, с просьбой немедленно приехать) и 50 рублей на дорогу.

е) 14 октября 1924 г. Письмо В. В. Редикорцева о том, что не может приехать, т. к. начался «учебный сезон», и он «связан лекциями за 16 руб. в месяц» (основная работа дает 48 руб.), обещает приехать позднее (Там же. Л. 58—59 об.).

ж) 11 марта 1925 г. Письмо В. В. Редикорцева. Сообщает, что собирается приехать в мае (Там же. Л. 62).

з) 15 октября 1925 г. Крымнаркомпрос просит Местсовет Алушты «принять зависящие меры к охране личности и имущества престарелого проф. А. Е. Голубева» и тем самым «обеспечить профессору спокойное существование» (Там же. Ед. хр. 71, л. 71—72).

и) 23 октября 1925 г. Письмо управляющего Госземимуществом Крыма Кирпаля в ЦЕКУБУ и копия — в Наркомпрос РСФСР:

«В начале октября с. г. мне по делам службы пришлось посетить национализированное имение проф. Голубева и решить вопрос о порядке использования этого имущества. В одном из двух домов этого имения, в меньшем, проживает и в настоящее время бывший владелец, который, ввиду его преклонного возраста (93 года) и заслуг перед наукой, не был окончательно выселен из своего имения наравне с другими помещиками.

Не предполагается и теперь принимать каких-либо репрессивных мер против заслуженного старика-профессора, но я считаю своей обязанностью позаботиться о сохранности государственного имущества и уложить пользование квартирой со стороны проф. Голубева в рамки, сколько-нибудь соответствующие закону. В этих целях я навесил гр. Голубева, чтобы прежде всего выяснить его желания в этом направлении.

Из посещения проф. Голубева я вынес крайне тяжелое впечатление. Совершенно одинокий старик, слепой уже 15 лет, живет без всякого за ним ухода и надзора, если не считать того, что 2 раза в день к нему приносят пищу. Занимает он две комнаты в нижнем этаже двухэтажного дома, причем ни эти комнаты, ни дом в течение 10 лет не получали никакого ремонта. Занимаемые Голубевым комнаты, в особенности одна, завалены книгами и рукописями, покрытыми пылью.

В беседе со мной гр. Голубев сперва совершенно отрицательно отнесся к вопросу о каком-либо попечительстве, но затем согласился на мои доводы и признал, что в его жизни необходимо участие какого-либо близкого ему человека.

Главным мотивом последнего его мнения явилась забота о том, чтобы не пропали его еще неизданные труды (он продолжает еще и теперь работу, печатая на пишущей машинке).

С точки зрения интересов государства вопрос о сохранности построек может быть решен просто: сдать всю усадьбу под дачное пользование, сохранив за проф. Голубевым бесплатно 2—3 комнаты. Но заселение дома, где живет Голубев, людьми, совершенно ему чуждыми, несомненно, нарушило бы его покой и отравило бы ему последние дни. Поэтому более целесообразно явилось бы выделить весь дом, где живет Голубев, из арендного договора и передать этот дом учреждению или лицам, которые своей задачей поставили бы заботу о проф. Голубеве и лишь попутно эксплуатировали бы верхний этаж этого дома для отдыха работников науки и врачей» (ГААРК. Ф. Р-2756, оп. 2, ед. хр. 73, л. 3).

Послесловие. А. Е. Голубев скончался в начале февраля 1926 г. Похоронен, по некоторым сведениям, в Кастеле (Лазурном), рядом с женой (См.: *Михайлов В. П.* Письма И. М. Сеченова к А. Е. Голубеву // *Физиологический журнал СССР.* 1956. Т. 42. № 1. С. 52). Ни памятника, ни указателя его могилы не существует. Согласно завещанию Голубева, все его имущество, движимое и недвижимое, подлежало продаже, «кроме библиотеки, инструментов и приборов, которые должны быть пожертвованы в учреждения» (ГААРК. Ф. 663, оп. 1, ед. хр. 285, л. 1).

16 февраля 1926 г. началась переписка между различными инстанциями об имуществе умершего профессора. Имущество — библиотека, рукописи и другие культурные ценности — передано на хранение Наркомпросу и вывезено в Симферополь в пединститут. Другая часть имущества передана по описи на хранение Алуштинскому горсовету (ГААРК. Ф. Р-663, оп. 1, ед. хр. 664, л. 3). Между тем на пустой даче Голубева начались кражи. Было совершено дознание, виновные найдены (Там же. Л. 33). Для покрытия расходов по охране дачи

часть имущества «бывшего профессора Голубева» должна была уйти с публичных торгов, назначенных на 26 сентября 1926 г. в 12 час. дня в помещении бывшего склада хлебопродуктов на новой базарной площади Алушты (ГААРК. Ф. Р-663, оп. 1, ед. хр. 664, л. 5, 11–12). Дом Голубева передан в ялтинский коммунальный хоз.

В настоящее время в доме Голубева в с. Лазурном (бывш. Кафель-Приморский) размещается в тесноте, без всяких удобств одиннадцать семейств. Старые строения горного Южнобережья не отличались простором апартаментов и не предполагали бытовых удобств (в современном представлении) уже потому, что вода здесь — большая ценность. Внутри дом неоднократно перестроен, но первоначальная планировка угадывается, сохранились некоторые детали интерьера. Здание нуждается в капитальном ремонте. В хорошей сохранности подвал и винный погреб. В небольшом парке, примыкающем к дому, еще растет секвойя, посаженная хозяином (от нескольких других остались пни). И хотя идея создать музей в доме Голубева не имела успеха, то обстоятельство, что дом по сию пору заселен жильцами, имеет свою положительную сторону. Находившийся неподалеку дом видного профессора геологии Н. А. Головкинского, в советское время охранявшийся как исторический памятник, в 2002 г. выкуплен частной фирмой, жильцы из него выселены, дом быстро превращен в руины, а на его фундаменте выстроена частная гостиница.

Документы и корреспонденция А. Е. Голубева и Н. П. Суловой-Голубевой составляют достаточно объемный личный фонд № 536 в Государственном архиве Автономной республики Крым. Некоторые журналы («Отечественные записки») и издания из библиотеки Голубева (в том числе «Рефлексы головного мозга» с дарственной надписью И. М. Сеченова) вошли в фонд редкой книги научной библиотеки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Где находятся рукописи научных трудов А. Е. Голубева, неизвестно.